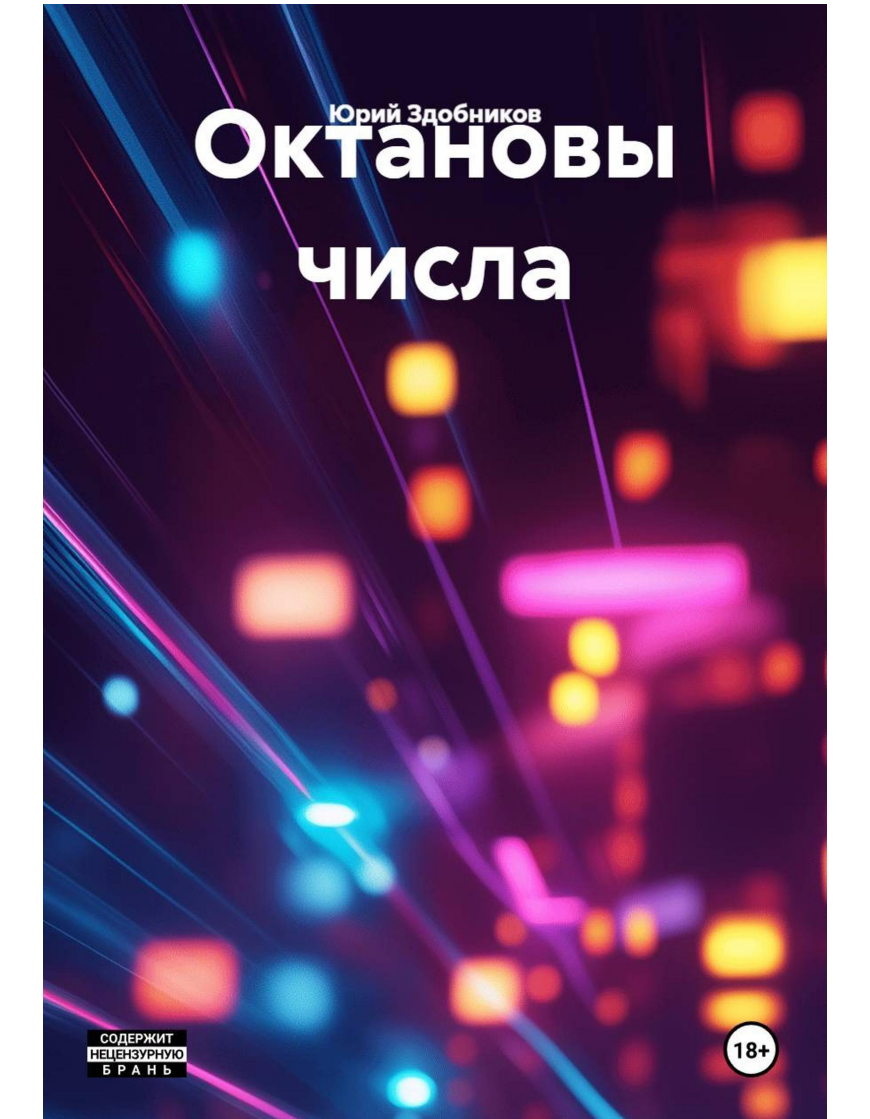

Юрий Здобников

Октановы числа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Здобников

Октановы числа

<https://litres.ru/74451263>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Алексея была идеальная жизнь обывателя: ипотека, двое детей, сварливый тесть-огородник и жена, которая ждёт его к ужину. Всё изменилось за одну ночь, когда из кошмаров в спальню явился древний наставник по имени Октаныч. Оказалось, Алексей — бессмертный монах, а новый Великий Поглотитель уже стирает миры, маскируя их гибель под ядерные войны и пандемии. Теперь им предстоит спасти вселенную, но для начала нужно объяснить жене, почему зять пришёл домой в латексном костюме с запахом озона, а на чердаке дед прячет боевой звездолёт под видом антикварного комода. Феерическое путешествие сквозь измерения начинается там, где заканчивается здравый смысл.

Тон: динамичный, ироничный.

Акцент: контраст между космической угрозой и семейным бытом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юрий Здобников

Октановы числа

Глава 1

Всю ночь меня мучили кошмары. Я то просыпался в холодном поту, то вновь проваливался в небытие, в котором царили хаос и зло. Каждый раз, снова засыпая, я видел один и тот же сон: ко мне являлся какой-то дед, якобы мой древний учитель и наставник, и заявлял, что время пришло. Что больше ждать нельзя, что равновесие нарушено и что если я не пробужусь от своего забвения, то он будет надирать мне задницу ровно столько, пока это не произойдёт. А после начинали происходить какие-то события, где я с ним когда-то вершил лютые дела.

Что со мной там только не случилось! Меня и резали на миллион кусков, и превращали в огромную зелёную жабу-людоеда, и мы падали из открытого портала, где вся земля покрыта бесконечным количеством больших треугольных клопов, что громким пердёжом отравляли воздух вокруг. А потом всё это уходило на второй план, и снова из ниоткуда возникал мой этот самый наставник, и вновь он обещал надирать задницу, если я не пробужусь.

И снова, вновь и вновь я в своих кошмарах вижу свои бес-

конечные приключения со своим учителем по бесконечной вселенной. И вот когда мы одолели очередного Великого Поглотителя, в нас пропала необходимость, и мы приняли забвение на десять тысяч веков. Ровно столько времени проходит от смерти старого Поглотителя до рождения нового.

Всё это время мы рождались и умирали, перерождались в новых существ и проживали их полноценные жизни.

И вот я, будучи человеком, уже какую ночь подряд мучаюсь от своих кошмаров, вижу этого непонятного, обещающего надрать мой тощий зад старика. Тот постоянно вопит, что прошло намного больше времени, чем требовалось для нашего сна, что новый Поглотитель в этот раз действовал очень осторожно, всячески скрывал свои следы и существование, набирал опыт и повышал свои силы и живучесть.

И вот мы почти проспали точку невозврата. Старик пробыл десять тысяч веков в своём сне, так сказать, осознанном — не забывая, кто он есть на самом деле. И вот вышел срок, и вот минуло ещё полсрока, а потом снова половина, и старика это напрягло.

Почему ничего не происходит? Почему никакие отдельные миры не поглощаются, а те, которые исчезают, выглядят так, будто сами погибли по стечению эволюционных обстоятельств? Будь то ядерная война, армагеддон, угроза из космоса типа огромных астероидов — то огненных, то ледяных. То вся жизнь погибала от всяческих зомби-вирусов.

И по всем правилам вся та энергия, которая питала старые

миры, после уничтожения по той или иной причине должна была перестроить шаблоны образов всяческой жизни и запустить эволюцию с самого начала. Но этого не происходило. Энергия просто исчезала, а на месте вымерших миров кружили миллиарды частиц, что больше не могли соединиться во что-либо. Такое случалось, но очень и очень редко, да и то что-то всё равно потом объединялось в астероиды, которые отправлялись в путешествие, как семечки: воткнувшись в пустую планету, они зарождали новую жизнь. Но тут ничего не происходило — полный ноль.

Всё это было так тихо, что учитель долго не мог понять, что во вселенной происходит великое зло. И вот приблизилась такая грань, что либо сейчас, либо уже поздно — и умрёт вообще всё. И останется только поглотивший, который замрёт навсегда, запечатав в себе всю возможную жизнь.

И вот когда я в очередной раз мучился от кошмаров, дверь в мою комнату с шумом распахнулась. Я подорвался. На пороге стоял тот самый дед, который долгое время являлся мне во снах.

— Вот ты где, жопошник! Наконец-то я тебя нашёл. Долго ты тут свои булки нежить собираешься? А ну, подъём!

Он резко подошёл ко мне, схватил меня за ногу и одним рывком скинул на пол.

— Вы кто? Что происходит?

— Вы ктооо? Что происхооодит? — передразнил он меня. — Смотрю, хреново на тебя повлияло забвение и беско-

нечность перерождений. — Он снова подскочил ко мне и замахнулся кулаком. — Тебе память вбить, сука, или сам всё вспомнишь?

— Пожалуйста, не бейте меня! — я закрылся руками, но удара не последовало: этот старик просто решил меня шугануть.

— Жалкое зрелище. Лучше бы ты качком родился. Поднимай свою жопу и за мной шагай!

Он схватил меня за шею, одним рывком поставил на ноги, сунул мне в руки ком моей одежды и за шкурку потянул меня из дома. Я был в таком шоке от происходящего, что даже не смог позвать на помощь кого-то из семьи, а народу в доме было достаточно: жена, дети, её отец и её брат.

Старик выволок меня на улицу, протащил через двор, зашёл в небольшую чашу, и мы остановились. После он выставил руку в сторону ближайшего куста, и из неё что-то выстрелило магическое. Пространство замерцало, и на том месте, где был куст, проявился светящийся шар примерно два на два метра, который просто висел в воздухе. На нём проявился контур двери, и она ушла вверх. Потом меня дед снова схватил и затолкнул внутрь, и сам залез. Дверь закрылась.

Мы оказались в космическом корабле. В отличие от шарообразной формы снаружи, внутри и намёка не было на что-то круглое. Огромное смотровое стекло, под ним пульт управления с тысячами всяких светящихся кнопок и тумблеров, штурвал, у пульта два кресла, на подлокотниках которых то-

же кнопки. Кресла также зависли в воздухе.

Внутри корабль был не просто огромным — он будто жил своей жизнью. Панели мерцали тусклым сине-зелёным светом, подсвеченные изнутри. По стенам тянулись толстые кабели, местами оплетённые чем-то похожим на корни; они тихо гудели, будто шептали непонятные слова.

В воздухе висел запах озона и старой кожи — как в гараже, где годами хранили снаряжение. Дед спешно подошёл к пульту, нажал на пару кнопок, и на смотровом стекле, как на экране, появилась голограмма: вращающаяся карта вселенной, где одни звёзды гасли, а другие мигали тревожным красным.

Он обернулся ко мне и стал сверлить меня испытующим взглядом — суровым, нетерпеливым: единственный, кто здесь хоть что-то понимал.

— Ну, чего стоишь, будто тебя опять в жабу превратили?! — рывкнул дед, щёлкая тумблерами. — Смотри сюда!

Он ткнул пальцем в голограмму: красная точка стремительно ползла по спирали, пожирая сектора.

— Это он. Новый Поглотитель. Прячется в слепой зоне между мирами, тянет энергию исподтишка. Пока мы спали, он научился стирать миры без следа — никакой перестройки, никакой новой эволюции. Пустота. И эта пустота растёт. Где он прячется, я тебя спрашиваю? Откуда появляется? Ну, чего молчишь?

Корабль вдруг дёрнулся, пол под ногами мелко завибри-

ровал. Из щели в панели вырвалась струйка искр, тут же втянутая какой-то невидимой силой. Снова толчок, и по стенам прокатилась волна сине-зелёного света — будто по жилам машины побежала кровь.

Я наконец-то обрёл дар речи:

— Да кто ты такой вообще, старик?! — выкрикнул я, вжимаясь в переборку. — Ты сначала снишься мне в жутких кошмарах, потом вламываешься ко мне в дом, таскаешь по лесу, закидываешь в эту... штуку, а теперь ещё и какой-то Поглотитель, искры, вибрации... Я ничего не понимаю! Я думал, ты просто маньяк какой-то, что меня сейчас резать будет, а ты, вообще походу, отбитый! Что это вообще такое?

Дед хмыкнул, схватил с панели какой-то цилиндрический предмет, покрутил его между пальцами, будто прикидывая — бросить его как гранату или использовать по назначению, — потом резко сунул обратно.

— Отбитый? — хмыкнул он, снова щёлкая тумблерами, будто хотел этим звуком заглушить мой крик. — Да уж, по сравнению с тем, что сейчас творится во вселенной, я самый нормальный тут. А кто я такой? Я твой напарник, мальчишка. Твой учитель. Тот, кто не даст тебе забыть всё до последней крошки. Пока ты тут в своей уютной жизни прятался за дверями, детьми, кастрюлями и рутиной, перерождался и снова брался за старое, очень многое рухнуло, исчезло безвозвратно, понимаешь? И всё это теперь нужно достать из самой тёмной и вонючей задницы долбаного Поглотителя —

и вернуть всё на место, даже если придётся склеивать это синей изолентой и соплями.

Он шагнул ближе, и от него пахло не просто старой кожей и озоном — а веками, пылью чужих миров, холодом пустоты и... сильным перегаром. От него разило так, что у меня сразу дыхание перекрылось, и я, не стесняясь его, закрыл руками нос и рот.

— Мы договорились: десять тысяч веков отдыха, пока новый Поглотитель не родится. Но этот гад не родился — он вылутился тихо, как плесень, никак о себе не заявив. И теперь он стирает миры так, что даже эхо не остаётся.

Дед повернулся ко мне спиной, подошёл к пульта, сел в кресло, щёлкнул парой тумблеров, крутанул рычаг, дёрнул штурвал на себя, и корабль будто радостно взвыл, соглашаясь с его действиями.

— Схватись за что-нибудь, — сказал равнодушно дед, даже не обернувшись.

Я и среагировать не успел, как пол ушёл из-под ног. Меня швырнуло к ближайшей переборке, я вцепился в выступ, лишь бы не улететь через весь отсек. В глазах на секунду потемнело от перегрузки, а потом мир будто сорвался с петель.

За огромным смотровым стеклом двор, чаща, крыши домов — всё слилось в одну смазанную полосу. Земля уходила вниз, и вместе с ней исчезали привычные ориентиры: вот уже не разобрать окон, вот пропали дорожки, вот лес стал просто тёмно-зелёным пятном. Воздух вокруг корабля за-

дрожал, будто реальность не успевала за нашей скоростью и начинала трещать по швам.

Корабль тряхнуло — это мы пробивали плотные слои атмосферы. Панели вспыхнули тревожными огнями, кабели загудели громче, будто от восторга, а из стыков снова вырывались искры.

Дед хохотал. Да, именно хохотал — громко, хрипло, сквозь кашель и перегар, будто это был самый лучший момент за последние десять тысяч лет.

— Ну?! — заорал он, перекрывая вой двигателей и свист воздуха. — Чувствуешь, как она поёт?! Эта штука не летит — она рвётся вперёд, как голодный зверь! Да, малышка, поддай ещё!

Я хотел что-то ответить, но не смог: горло сдавило, а в груди всё сжалось от дикого ужаса. Сквозь стекло было видно, как небо из густо-синего становилось фиолетовым, потом — тёмно-фиолетовым, почти чёрным. Облака остались где-то внизу, как рваные клочья старой ткани.

Ещё один рывок — и гравитация будто споткнулась. Меня оторвало от переборки, и я завис в воздухе, нелепо размахивая руками, пока не ухватился за край панели.

— Орбита! — выкрикнул дед, хлопнув ладонью по кнопке, и корабль перестал выть и резко остановился.

От такой резкой остановки меня сильно дёрнуло в сторону, и я ударился головой о потолок. От дикой боли схватился за ушибленное место двумя руками, весь сжался в комок и

зашипел.

Земля теперь была не «внизу», а прямо перед нами — огромный сине-зелёный шар, окаймлённый тонкой золотой линией рассвета. Над ним, в бархатной черноте космоса, висели звёзды, и на их фоне голограмма продолжала крутиться, а красная точка всё так же ползла по спирали, пожирая сектора.

Дед наконец глянул на меня — глаза у него горели чистым и бешеным азартом.

Он ткнул пальцем в голограмму, где красная точка замерла на миг — и тут же сорвалась в новый виток.

— Ну, чего смотришь? Помоги мне настроить пеленг! Или ты так и будешь висеть тут, как мешок с гнилой картошкой, и весело попердывать?

— Моя голова... — прошипел я сквозь боль, держась за ушиб.

— Да не ной ты, сейчас я тебе помогу! — рявкнул дед, щёлкнул по кнопке — и гравитация вернулась.

Я с воем полетел вниз и шлёпнулся на пол, отбив на этот раз бедро. Перед глазами вспыхнули искры, и на секунду показалось, что я его сломал.

— Вот, теперь ты крепко стоишь на ногах, — рассмеялся дед. — А то болтался тут, как... как... что там болтается в рукомоинике? А, неважно.

Он снова крутанул какой-то тумблер, и голограмма над пультом дрогнула и растянулась на весь экран. Красная точ-

ка на миг замерла, потом сорвалась в новый виток, оставляя за собой тонкий шлейф помех — будто сама ткань пространства морщилась от её движения.

— Смотри сюда, — дед ткнул пальцем в край экрана, где тонкая жёлтая линия начала медленно ползти вверх. — Это пеленг. Пока он ползёт, мы знаем, где он дышит. Как только встанет на максимум — мы на прицеле. И вот тогда... тогда мы его схватим.

Он бросил на меня короткий взгляд, в котором на долю секунды мелькнуло что-то похожее на терпение:

— Ну, чего лежишь? Пол холодный, а у нас времени нет. Поднимайся и держи эту шкалу. Если она начнёт дёргаться — кричи. Громко. Так, чтобы я даже сквозь вой двигателей слышал.

Я кое-как подтянул ноги и оперся на локоть, морщась от боли в бедре. В голове всё ещё звенело. Я вопросительно посмотрел на старика.

— Чего вытаращился? — рявкнул дед. — Шкала! Смотри на шкалу!

Я резко перевёл взгляд на экран. Жёлтая линия снова дёрнулась и поползла вверх.

— Она... она движется! — выкрикнул я.

Дед ухмыльнулся, и в этой ухмылке было столько бешеного азарта.

— Она двиииижется, — передразнил он меня. — Нет. Так дело не пойдёт, надо срочно доставать твою память.

— Какая память, старик? Верни меня домой, — проскулил я чуть ли не плача.

— Ты сейчас как сломанный компас: стрелка крутится, а куда вести — не знает, — не унимался дед.

Он щёлкнул ещё каким-то тумблером, голограмма вселенной исчезла, а вместо неё вспыхнула тонкая голографическая сетка — она дрожала, будто живая, а по её линиям бежали крошечные искры.

Он резко наклонился вперёд, вглядываясь в шкалу, потом тыкнул пальцем в какую-то светящуюся точку и снова посмотрел на меня.

— Смотри на эту сетку, видишь? Это измерение Z-147! Нам туда...

— Домой меня верни! — завыл я.

— ...там мы добудем плод тревожной морковки.

— А домой ты попадёшь немного позже, — сказал он, не отрывая взгляда от приборов. — Да! Ты там будешь сидеть, чай пить и думать, что всё это тебе приснилось. А потом я снова рухну тебе как снег на голову, и так будет продолжаться всегда, так что привыкай. Ну, вперёд за морковкой!

— Я не пойду! — заорал я, вцепляясь пальцами в край панели, будто она могла меня удержать. — Мне не нужна эта морковка! Мне нужен мой дом, моя кровать, мои дети...

— Да, конечно. Схватись за что-нибудь, — старик оскалился в недоброй ухмылке, нажал какие-то кнопки, щёлкнул тумблерами, дёрнул штурвал, и мы понеслись.

Меня снова сдёгнуло с места и впечатало в переборку. На этот раз нагрузка была такой сильной, что я думал — у меня череп треснёт.

Звёзды за стеклом вдруг перестали быть точками — они растянулись в светящиеся полосы, будто кто-то размазал их кистью по небу. Полосы сплелись в воронку, потом в тоннель — густой, пульсирующий, будто живой. Корабль рванулся вперёд, нырнул в эту воронку, и на миг всё исчезло: ни света, ни звука, ни ощущения верха и низа. Только бесконечное падение сквозь пустоту, где даже время, казалось, замерло.

А потом мы вынырнули.

И это была уже не моя планета. Не мой мир.

За стеклом висел огромный шар — не родная Земля, а тёмно-багровый, с прожилками фиолетового света, будто по его поверхности бежали электрические разряды. Вокруг него кружились кольца из обломков искорёженного металла, разбитых кораблей, кусков скал, переплетённых странными волокнами, похожими на застывшие молнии.

Дед щёлкнул тумблером, выровнял курс и наконец бросил на меня короткий взгляд — в нём не было ни жалости, ни извинений. Только эта его бешеная уверенность, что всё идёт как надо.

— Ну, вот мы и на месте, измерение Z-147, — буркнул он, постукав пальцем по стеклу голограммы.

Глава 2

Дед щёлкнул ещё парой тумблеров, и голограмма исчезла, будто её стёрли тряпкой. Из панели выдвинулся небольшой прибор — плоский, с ребристыми боками, похожий на старый компас, только без стрелки. По краю его корпуса побежали тонкие красные огоньки, складываясь в незнакомые символы.

— Давай, погнали, — буркнул дед, схватил прибор и резко крутанул центральный диск. Перед нами из ниоткуда возникла чёрная овальная прорезь, по краям которой плясали острые синие искры.

Он схватил меня за плечо, рванул к себе и одним движением швырнул в эту прорезь, а следом вошёл за мной.

Там вошли — и тут вышли. Под ногами снова появилась твёрдая поверхность, а в лицо ударил сухой, горячий ветер.

Я стоял на каменистой равнине. Скалы вокруг были острыми, как лезвия, а между ними вились полупрозрачные нити с пульсирующими прожилками — они шевелились, будто живые. Небо нависло тяжёлым багровым куполом, и в нём то и дело вспыхивали беззвучные молнии.

Дед вынырнул следом, коротко встряхнулся, поправил комбинезон и тут же сунул прибор в карман

— Z147, — буркнул он, оглядываясь. — Точно на месте. Не стой, тут атмосфера не для экскурсий.

Я хотел было сказать что-то, но язык прилип к нёбу, когда почувствовал, как мой ботинок что-то обволакивает. Посмотрев на землю, я увидел, как из неё одна за другой выходят чёрные тонкие нити и тянутся ко мне, словно змеи.

— Осторожно! — рывкнул дед и резко дёрнул меня за рукав, оттаскивая в сторону. Нити тут же опали, будто потеряли интерес. — Они реагируют на движение. И на страх. И на ссанные штаны. А страха и ссанных штанов у тебя сейчас на троих хватит.

Дед не стал ждать, пока я хоть слово вымолвлю, — просто пошёл вперёд, твёрдо, будто знал каждую трещину на этой земле.

— Иди за мной и ничего не трогай, — бросил он, и я потащился за ним, стараясь не смотреть на шевелящиеся нечто, что нас окружали.

Дед шагал бодро вперёд, а я едва успевал за ним, поминутно косясь на чудовища вокруг.

Справа от тропы, зацепившись ветвистыми корнями за острые камни, висело существо, похожее на гигантский стручок гороха с сотнями тонких разноцветных маленьких щупалец, которые появлялись и исчезали посередине вдоль всего шва, тянувшегося через всё тело. Оно медленно покачивалось, щупальца то выходили, то снова втягивались, то снова выходили, уже другого цвета. Стручок медленно покачивался, и с каждым его движением по шву пробегала лёгкая дрожь — будто внутри перекачивались тяжёлые зёрна. Раз-

ноцветные отростки вздрагивали все разом, вытягивались, словно тянулись к чему-то, а потом снова прятались, мерцая то янтарём, то фиолетом, то прозрачной зеленью.

И тут из тени скалы вынырнуло нечто, похожее на гигантскую стрекозу: крылья у неё были полупрозрачные, с прожилками, будто из тонкого розового стекла, а тело вытянутое, блестящее, как полированный металл. Оно сделало круг над стручком, чуть зависло, будто прицеливаясь, и стало опускаться, собираясь присесть прямо на шевелящиеся щупальца.

Едва коснувшись их своими лапками — и всё случилось в один миг.

Шов на стручке резко вздулся, края разошлись, будто кто-то рванул грубую ткань, и изнутри, из самой сердцевины, распахнулась пасть — огромная, круглая, усеянная длинными острыми зубами, похожими на тонкие иглы. Щупальца рванулись вперёд, схватили стрекозу, вцепились в крылья, в её блестящее тело мёртвой хваткой и потянули прямо в эту зевнувшую бездну.

Стрекоза только успела коротко трескнуть — звук вышел как ломающаяся сухая ветка, — и исчезла. Пасть захлопнулась так же мгновенно и стала пережёвывать свою добычу, шов снова лёг ровной линией, а щупальца, уже чуть потемневшие, снова неторопливо зашевелились, будто ничего и не произошло.

Я застыл, чувствуя, как по спине ползёт ледяной холодок.

— Ахренеть, — едва вымолвил я.

Дед даже не обернулся — только хмыкнул на моё удивление.

Чуть позже с хриплым карканьем на меня спикировала тварь, похожая на гибрид вороны и краба: чёрные крылья, покрытые длинными кожистыми пластинами вместо перьев, с круглым клювом, телом и ногами, как у краба.

Я пригнулся и подбежал к старику почти вплотную. Вряд ли это создание могло бы причинить мне какой-то вред. Я так понял, она обиделась, что я её так пристально рассматривал, вот и решила поставить на место наглого чужака.

Дед коротко глянул на меня, будто оценивая, сколько ещё я выдержу без паники, и буркнул:

— Не стой столбом. Тут любят, когда добыча долго думает.

Он дёрнул меня за рукав, уводя чуть левее, в узкую щель между двумя нависшими скалами. Камни здесь были гладкими, будто отполированными, и от них тянуло холодом.

Я невольно поёжился, а дед, заметив это, чуть замедлил шаг и тихо пояснил:

— Это лаз ледяного слизняка. Обычно в это время с ним что-то происходит — и он уходит. Как по расписанию ползает: раз в несколько циклов сползает к нижним пещерам, где горячие жилы идут. Там он... ну, как бы сказать... «заряжается». Ирония, да? Сам ледяной, а спит в кипятке. Нам повезло: судя по камням, его слизь давно испарилась. Если

бы она была тут...

Он на секунду замолчал, словно подбирая слова, чтобы не напугать меня до обморока.

— ...то хватило бы пары капель на кожу, чтобы замёрзнуть насмерть. И не потому, что она просто холодная. А потому что это яд. Он не кожу обжигает — он по нервам ползёт, вытягивает тепло изнутри, будто кто-то выкручивает термостат в теле на минимум. Человек даже не успевает понять, что происходит: сначала пальцы немеют, потом дыхание сбивается, а через минуту ты уже не можешь пошевелить губами. И всё. Ледышка.

Он постучал костяшками по камню, потом по другому, проверяя и изучая почти каждый, и добавил тише:

— Говорят, раньше тут целые отряды пропадали. Шли по этим щелям, думали — просто холод, зябко, потерпим. А потом один за другим замирали. Сначала пальцы не гнулись, потом ноги, потом голос пропал. И стояли, как статуи, пока совсем не застывали. А потом, знаешь что? Слизняк возвращался — и здравствуй, готовый ужин. Никто не кричал, не дёргался — просто не могли.

Старик провёл ладонью по очередному гладкому камню, стёр невидимую пыль, взял его в руки и добавил чуть тише:

— Так что радуйся, что тут сухо. Слизняк ушёл. А если бы он сейчас был тут — мы бы сейчас шли совсем другой дорожкой... куда менее спокойной и совсем небезопасной. Давай, шевелись быстрее! Тут недалеко. Ещё пара минут —

и выйдем к тому месту, где можно перевести дух.

Он сунул камень в рюкзак и ускорился. Я последовал его примеру.

Мы шли ещё минут десять — если тут вообще работали земные минуты, — всё так же след в след. Дед то и дело оставался, прислушивался к чему-то, что я не слышал, кивал сам себе и снова шагал. А я только и мог, что смотреть под ноги да стараться не дышать слишком громко.

И вдруг скалы будто расступились. Перед нами открылась небольшая ниша — неглубокая выемка в склоне, прикрытая сверху нависшей плитой. Она выглядела так, будто сама природа специально вырубилa здесь укромный уголок: края были сглажены, будто полировались веками ветром, а внутри царила странная тишина — будто весь этот жуткий мир на секунду выдохнул и перестал шипеть, скрежетать и щёлкать.

Старик первым скользнул внутрь, быстро огляделся, присел на корточки и постучал по камню — будто проверял, не притворяется ли он камнем. Потом выпрямился и махнул мне:

— Давай сюда. Тут безопасно.

Я нырнул в нишу и сразу будто сбросил с плеч половину тяжести: ветер, который до этого свистел в ушах, остался снаружи, а здесь было... не то чтобы спокойно, но хотя бы тише. Я привалился спиной к тёплому камню и присел и только сейчас почувствовал, как гудят колени.

Дед снял рюкзак, поставил его у стены и, не глядя на ме-

ня, достал плоскую флягу, открутил крышку и глотнул. С удовольствием покатал во рту, проглотил и ещё раз глотнул. Протянул флягу мне:

— На, хлебни. Очень вкусно.

Я взял, понюхал — спиртное — и сразу понял: это не обычный самогон и уж точно не вино. Запах был резким, горьким, с травяной ноткой, от которой слезились глаза.

Сделал маленький глоток — и мир будто сжался в одну точку: по языку прокатилась обжигающая волна, в носу защипало, а в груди вспыхнул комок жара, который тут же растёкся по плечам и рукам. Я закашлялся, слёзы брызнули из глаз, и я невольно отдёргнул флягу, будто она меня укусила.

— Что это? — спросил я, возвращая флягу обратно, вытирая слёзы и сопли.

— Понравилось? Это мой личный рецепт. Не буду тебе объяснять названия ингредиентов, всё равно это тебе ни о чём не расскажет.

Старик достал из рюкзака плоскую штуку, похожую на небольшой обруч. Бросил её об землю, но до земли она не долетела, мигом оттолкнулась магнитными силами и зависла. Внутри обруча без дыма и пламени сам по себе вспыхнул ровный, почти прозрачный огонь в форме шара, будто зажгли кусок солнца.

Затем он достал тот самый камень, что подобрал.

— Что за камень? — поинтересовался я.

— Это не камень, — сказал старик, крутя и рассматри-

вая его со всех сторон. — Это яйцо. Тут их иногда путают с галькой. Оболочка твёрдая, чтобы никто раньше времени не добрался.

Дед на секунду замер, будто прислушиваясь к тишине, которая тут, в нише, казалась почти неестественной. Потом хмыкнул, бросил яйцо в обруч плитки — и оно тоже зависло в воздухе, ровно по центру, а прозрачный огонь мягко обнял его со всех сторон, словно бережно укутывая.

— Сейчас поедим — и пойдём дальше, — сказал он так, будто речь шла не о странном яйце на инопланетной горелке, а о яичнице на сковородке на обычной кухне.

— Это? — выдохнул я, тыча пальцем в наш ужин, и сам услышал, как голос дрожит. — Я это есть не буду.

Дед покосился на меня, прищурился, будто пытался проткнуть меня взглядом.

— Да куда ты денешься, — буркнул он так, будто уже сто раз видел эту сцену и знает, чем она закончится.

— Не буду, я сказал! Вези меня домой! — Слова вырвались сами, резкие, почти злые, и в них было всё: и усталость, и страх, и желание просто оказаться там, где стены не шевелятся, а еда не выглядит как что-то, что само могло бы тебя съесть.

Дед вздохнул, будто этот спор был ему так же привычен, как чистка ботинок. Он неторопливо вытащил из бокового кармана электрошокер с потёртой рукоятью и тёмными царапинами на корпусе. Щёлкнул кнопкой, и между зубцами

брызнули короткие синие искры, а воздух наполнился сухим, колючим треском.

— Не станешь жрать — я тебя током долбану, — спокойно произнёс он, не сводя с меня глаз. — Вот и посмеёмся потом. А после, когда очухаешься, я тебя ещё раз долбану, и так до тех пор, пока тебе вдруг жрать не захочется. Тут тебе не благотворительность. Тут выживание. И если ты гденибудь свалишься от слабости, я тебя тащить не буду. Накормлю тем же самым шокером, ты услышал меня?

Я молча сглотнул, чувствуя, как в горле встаёт горький комок беспомощности.

— Ну вот и договорились, — он убрал шокер обратно в карман.

Огонь тихо гудел, яйцо медленно меняло цвет с серого на тёплый янтарный, потом щёлкнуло, будто скорлупа сама решила сдаться, и по нише поплыл густой, пряный аромат. Я невольно втянул воздух, и желудок предательски отозвался совсем не робким урчанием, а требовательным гулом.

Дед заметил это и чуть усмехнулся:

— А говоришь, есть не хочешь.

Старик снял яйцо с огня, обстучал его веткой, кроша оболочку на мелкие чешуйки. Сняв скорлупу, внутри оказалось самое обыкновенное яйцо, только большое, от которого поднимался лёгкий пар. Он разрезал ножом его пополам, протянул мне одну половину:

— Держи. И не смотри на него, как на врага.

Я помялся, пальцы дрогнули, но я всётаки взял кусок. Он был тёплым, почти живым на ощупь. Посмотрел, как старик ловко уплетает свою долю за обе щеки, и откусил — обычное яйцо.

— Ну? — не выдержал дед.

— Обычное яйцо, — буркнул я. Хотелось добавить: «Ещё бы соли и хлеба», но сказать об этом постеснялся.

— А ты думал, я тебя устрицами кормить буду? — проворчал он, стряхивая с пальцев золотистые крошки желтка. Я промолчал, чуть подумал, а затем спросил:

— Ну и... типа, кто мы такие?

— Мы древние монахи, — бросил старик и замолчал, уставившись куда-то в тёмный угол.

— И всё? — удивился я. — Хочу подробностей! Хотя что-нибудь, чтобы понять, куда ты меня тащишь и зачем я тебе нужен!

Старик посмотрел на меня так, будто я его очень сильно достал. Он нервно почесал свою жиденькую бороду, вздохнул, провёл ладонью по краю фляги, откинул крышку, глотнул и, будто собравшись с мыслями, произнёс:

— Мы с тобой сраные монахи, ты да я! Существует миллионы лет, уже и сам не помню сколько. Боремся с таким же древним, как и мы, злом. Сплошная банальщина! Я Валерьян Октаныч! А ты... как там тебя сейчас зовут?

— Алексей... — начал было я.

— Вот и оставайся им! — перебил старик. — А теперь

давай, завязывай с расспросами. Пакуй свой зад, мы выдвигаемся.

Старик резко поднялся и отряхнул колени. Я торопливо дожевал яйцо, вытер руки о штаны и тоже поднялся. Старик собрал все свои вещи, и мы выдвинулись в путь.

По пути он стал рассказывать мне об этом месте, куда мы идём, и что нам там нужно будет делать.

Когда мы обогнули особенно высокую скалу, перед нами открылась широкая впадина, которая была огорожена старым забором, а всё дно усеяно мелкими растениями с фиолетовыми вершками.

Чуть поодаль стояло необычное для моего глаза жильё — круглое, с одним окном и дверью. Кровля выполнена в форме раковины улитки, даже пара антенн торчала, будто её глаза.

Из этой лачуги доносилась неземная музыка в стиле кантри, а в окне то и дело мелькал необычный гуманоид: у него была розовая кожа, нос опускался, словно небольшой широкий хобот, до подбородка, голова грушевидная, и на макушке, как у той самой улитки, на тоненьких ножках возвышались три маленьких глаза.

— Итак, мы на месте, — прошептал Октаныч, присев на одно колено, когда мы затаились в густом кустарнике. Он достал бинокль, наблюдал за местностью и сторожем и рассказывал.

— Тут живёт смотритель этой самой впадины, — тихо

проговорил дед, не отрываясь от бинокля. — Он не злой, просто... педантичный. Любит порядок, любит, чтобы здесь всё шло по его правилам. Почему? Да потому, что это его дом, его огород! И он его защищает. У него есть оружие, что-то типа двустволки: если попадёт, башню к херам снесёт. Так что делаем всё тихо! Пробираемся, хватаем морковку и дёру. Всё понял?

Я неуверенно покивал. Если честно, я вообще ничего не понял, но не стал говорить об этом.

Я покосился на лачугу: музыка из неё лилась тягучая, кантри тут звучало странно, почти пугающе — звуки были абсолютно чужими. В окне снова мелькнул тот самый гуманоид: он поднёс к широкому хоботу кружку, сделал глоток, потом вдруг замер, будто что-то услышал, и все три маленьких глаза на макушке уставились в нашу сторону.

Октаныч тут же опустил бинокль и пригнулся ещё ниже, будто хотел слиться с кустарником.

— Тихо... Сейчас главное — не дёргаться. Он не видит нас, но всегда предполагает, что мы здесь...

Гуманоид постоял так ещё секунд десять, потом тряхнул головой, будто отгоняя наваждение, и отошёл от окна. Музыка стала чуть тише.

— Что-то всё же заподозрил, засранец, — процедил старик, стискивая бинокль так, что побелели костяшки пальцев.

— Видишь ли, у зиголанаройцев очень развита интуиция и паранойя. Эти два качества переплетаются настолько тес-

но, что они сами не всегда могут отличить одно от другого. Для них подозрение — это уже, можно сказать, знание.

— Как ты его назвал? — Я попытался мысленно повторить это название, но мозг забуксовал на середине слова, решил не пытаться повторить это вслух, боясь язык переломать в трёх местах.

— А, не бери в голову, — махнул дед, будто отмахивался от комара. — Морковка! Нам нужна чёртова морковка! В идеале — две.

— А почему мы просто не попросим? Ну или хотя бы купим, давай. Их же там миллион, — не удержался я.

— А потому, что он ломит цену! — рывкнул он, тут же понизив голос, когда из лачуги донёсся резкий аккорд, будто музыка на секунду взвизгнула, реагируя на всплеск эмоций.

— Наглый сукин сын!

— Ты уже спрашивал? — удивился я.

— Да, и мы не договорились! — выдохнул Октаныч, и в его голосе прорезалась старая обида. — А затем я украл. А затем он заметил. А затем... — он сделал паузу, будто каждое слово давалось тяжело. Было видно, что старик прямо сильно обиделся на этого трёхглазого. — ...Затем он установил неустанное круглосуточное наблюдение за полем.

— То есть он прямо вот знает, что ты придёшь воровать?

— Да! — Дед наконец посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло злорадство и желание как следует насолить. — И не ошибается, кстати.

Он припал к земле, потянул меня за рукав вниз, так что я уткнулся носом в сухую траву.— Ползём. И тихо. Пусть эти морковки думают, что это ветер шевелит стебли. Ни звука, понял?

Мы поползли вдоль забора, где камни лежали густо и прятали нас от окна. Забор тут был не сплошной: между косятыми прутьями зияли щели, кое-где доски совсем прогнили и отвалились, оставив дыры, затянутые паутиной, которая на ощупь оказалась жёсткой, будто сплетённой из проволоки.

Старик замер у дыры, вжался в тень, будто хотел стать частью забора, и поманил меня к себе коротким, резким движением пальцев. Я подполз, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а ладони скользят по шершавым камням.

— Держи, — прошептал он, протягивая мне небольшой, ничего не весящий мешочек из тёмной, почти чёрной ткани. Ткань была грубой: ворсистой, будто сотканной из крапивы или конопли, и на ощупь казалась просто ужасной.

— Что это? — одними губами спросил я.

— Тихий мешок, — так же шёпотом ответил дед, не сводя глаз с лачуги. — Любая тряска, любой шорох, любой звук — всё тонет в нём. А снаружи тишина! Замечательная вещь! Бери скорее!

— А на хрена они нам такие? — переспросил я, и у меня внутри всё забеспокоилось.

Старик криво усмехнулся, и в этой усмешке было полно веселья и задора — будто он не кражу затевал, а самую увле-

кательную игру на свете.

— Эти морковки... Они, типа, живые. И когда их хватают, они визжат так, что их не то что сторож — любой дурак услышит за три холма. Поэтому и прозвали тревожными морковками. Они боятся прямо вот любого шороха, прямо как ты сейчас. Как там тебя зовут? Тревожный Лёха? Поэтому хватаешь — и сразу в мешок. Понял?

— Может, ты сам, а? — прошептал я; пальцы предательски подрагивали, а в горле пересохло.

— Охренел? Ради тебя вообще-то стараемся. Вперёд! — рывкнул Октаныч шёпотом, так, что это прозвучало даже страшнее обычного крика.

Он отодвинул прогнившую доску, и я скользнул через дыру, приземлился на четвереньки, чувствуя, как острые камешки впиваются в ладони. Метнулся к грядке, будто если буду слишком медленным, морковки сами разбегутся. Протянул руку, схватил первую — и она действительно дёрнулась, будто хотела вырваться, а из неё вырвался тонкий, режущий ухо визг, от которого по коже побежали ледяные мурашки. Но я уже сунул её в мешок, и звук оборвался мгновенно, будто его и не было, — мешок глотал шум, как чёрная дыра глотает свет. Вторая морковка дёрнулась чуть слабее, будто поняла, что бесполезно, и тоже исчезла в мешке.

Музыка в лачуге на секунду сбилась с ритма, будто кто-то резко дёрнул струну и она порвалась. Из окна мелькнула тень, и я понял — сейчас что-то нехорошее будет.

Я замер, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась громче любого крика. Сердце колотилось где-то в горле, а руки дрожали так, что мешок чуть не выскользнул. И тут из лачуги донёсся скрежещущий голос сторожа, низкий, тяжёлый, будто слова были отлиты из металла:— Я знаю, что ты там. И я знаю, что ты что-то взял моё. Выходи, вор. Медленно. И без глупостей.

Я так и остался стоять на четвереньках, будто ноги вдруг забыли, как выпрямляться. В одной руке я сжимал мешок с этими проклятыми морковками, из-за которых нам теперь нужно убегать, как мальчишкам, стащившим варенье. А другой схватил подвернувшуюся палку.

И тут грохнул выстрел — как из тяжёлого ружья: резко, сухо, будто-рядом треснула толстая доска. Камень в полуметре от меня взорвался крошкой, и по щеке мазнуло острыми осколками.

Я дёрнулся, втянул голову в плечи, зажмурился на секунду от резкой вспышки, а когда распахнул глаза — случайно зацепился взглядом за движение между грядок справа от меня. Там, прижимаясь к земле, почти сливаясь с тенью от забора, полз старик. Он двигался короткими рывками, перекачиваясь от одной грядки к другой, стелился смутной тенью по самой земле. Волочил свой мешок с морковками.

И что меня очень удивило — он улыбался. Так, будто всё это было отличной затеей, приключением, ради которого и стоило жить. В глазах плясал азарт, будто он не под пулями

полз, а играл в самую весёлую игру в своей жизни.

— Вниз! — рявкнул он, не сводя глаз с лачуги. — Не поднимайся!

Ещё один выстрел грохнул. Я вжался в землю, прижимая мешок к груди. Палка выпала из пальцев и откатилась в сторону.

От лачуги донёсся скрежещущий голос, перекрытый лязгом перезарядки:

— Стой, вор! Стой! Я тебя сниму, как краб-ворону на своём полигоне! Верни моё, и, может быть, я оставлю тебе ноги!

Октаныч быстро высунулся, оценил траекторию, тут же нырнул обратно. В ту самую точку, где он только что мелькнул, ударил выстрел — и многим морковкам срезало их вершки. И тут они дико заверещали: звук был тонкий, визгливый, будто разом запищали сотни перепуганных птенцов. Мешок в моих руках задрожал, будто морковки внутри пытались выпрыгнуть.

— У него двустволка с разрывными, — прошипел дед, не сводя глаз с лачуги. — Если попадёт — не просто дырка будет, а мясо в клочья. Нам надо уйти из прострела. Ползи ко мне! По-пластунски, не отрывая живота от земли!

Я пополз, волоча за собой мешок. Камни царапали локти, пыль лезла в глаза, а в ушах звенело так, что собственный хриплый вдох казался оглушительным.

Выстрел. Пуля чиркнула по камню совсем рядом, высекла искры прямо у моей руки. Я замер на секунду, сердце про-

валилось куда-то в пятки. — Не останавливайся! — крикнул дед. — Ещё немного! Давай! Ползи за мной!

Я рванул вперёд, почти не чувствуя рук, и наконец ввалился в укрытие, ударившись плечом о выступ скалы. Дед тут же схватил меня за куртку, дёрнул глубже в тень, где пули не доставали.

— Держи мешок. Не выпускай ни на секунду. Когда услышишь, что он снова перезаряжается, — это наш сигнал. Бежим. И ныряем в дыру в заборе. Понял?

Я только кивнул, сжимая мешок так, что пальцы побелели.

Выстрел. Второй. Сухой лязг — перезарядка. — Пошли! — рывкнул дед, и мы рванули так, будто из-под нас выдернули землю, и единственный способ не упасть — лететь вперёд.

Октаныч летел впереди, пригибаясь, скользя между грядами и камнями так, словно змея. Он не оглядывался — ему и не надо было: он знал, что я тащусь следом.

Грохнул ещё один выстрел, и там, где только что была моя нога, взлетел фонтан земли — сторож стал стрелять наугад. Оно и неудивительно: мы вот-вот сбежим.

Дед коротко мотнул головой — и я понял: сейчас не время думать. Он рванул к прогнившей доске, плечом поддел её, и та с сухим треском отвалилась, открыв неровную дыру в заборе.

— Давай! — прошипел он, не оборачиваясь, и первым скользнул внутрь.

Я метнулся следом, вжимая голову в плечи, будто это могло сделать меня меньше. Наконец-то мы вырвались из этого чёртового огорода, и, слава богу, мы живы и никак не пострадали.

Глава 3

Стоило только мне подумать о хорошем, как прозвучал очередной выстрел — резкий, сухой. Рядом со мной разлетелось трухлявое бревно в щепки. Ещё один выстрел — звук ударил по ушам, а следом пришла боль — острая, горячая, будто кто-то вонзил раскалённый прут в поясницу. Меня дёрнуло вперёд так сильно, что я чуть пополам не переломился. Я рухнул, и мир поплыл, стал серым, с тёмными пятнами по краям. Я не мог дышать, ноги отказали, но мешок с тревожными морковками не отпустил.

Октаныч тут же, как будто почуял, что моё мясо запахло жареным, резко развернулся, подскочил ко мне и упал рядом. Одним резким движением втащил меня за выступ скалы, в узкую тень, где пахло плесенью и какими-то грибами.

— Не шевелись! — он прижал ладонь к моей пояснице, а я закричал во всю силу: даже это лёгкое касание было как удар током. Дед на секунду замер, потом резко отдёргнул руку — она была в крови. Его лицо было каменным — только холодная сосредоточенность. А потом его как будто подменили. Он разозлился и стал орать именно на меня:

— Ну, ё-моё, а! Ты что, обалдел? Мы же уже убежали! Как ты смог-то так?

— Я умираю, да?

— Пуля прошла навылет, — пробормотал он, скорее себе,

чем мне. — Это хорошо. Плохо то, что он не промахнулся. Так что не мечтай: пока не переделаем все наши дела, ты весь, с потрохами, мой!

Он перевернул меня без лишней суеты, разорвал ткань вокруг простреленного места. Потом выхватил из нагрудного кармана плоский серебристый баллончик, щёлкнул крышкой, нажал на кнопку и тонкую струю направил прямо на рану.

Жидкость была прозрачной, почти невидимой, но пахла резко, какой-то убойной химией, с горькой ноткой грейпфрута, от которой у меня на секунду перехватило дыхание. Она коснулась кожи — и тут же начала густеть и схватываться на лету. Она, скорее всего, была с каким-то обезболивающим эффектом, потому что я тут же почувствовал огромное облегчение. Через пару секунд на месте раны уже лежала тонкая полупрозрачная корка, похожая на застывший лак.

— Нормально. На пару часов хватит. Давай, поднимайся! — рывкнул старик.

Старик подхватил меня, перекинул одну мою руку через свою шею, крепко ухватил за пояс и потащил. Несмотря на то что он явно был далеко не молод, несмотря на седину и морщины, неся на себе вес моего тела, бежал он так, будто какой-то спринтер. Местами мне даже показалось, что мы вовсе не проиграли в скорости с того момента, пока я ещё сам мог бежать.

Скалы мелькали мимо рваными тенями, острые выступы

норовили вцепиться в одежду, туман стал стелиться под ногами. Каждый шаг отдавался в спине глухим ударом, корка на ране натягивалась, будто боялась треснуть. Я стискивал зубы и старался не думать о боли — просто цеплялся за деда, вжимался плечом в его бок, держался, как за единственный твёрдый предмет в этом шатающемся мире.

— Эээ, не раскисай, — крикнул дед на бегу, даже не запыхавшись. — Держи вес хоть немного, не закатывай глаза.

— Прости... — выдохнул я, пытаюсь подтянуться, но ноги будто жили отдельно от меня, не хотели слушаться.

— Да уж, герой из тебя сейчас — как из камня пружина! — усмехнулся старик. — Но ничего, главное — не отключайся. Тут ещё полверсты по этим чёртовым камням, а потом нырнём в портал, и — бац! — мы на родном корабле. Там мы в полной безопасности.

Я только кивнул — сил на слова не осталось. Туман густел, превращая скалы в призрачные силуэты, и весь мир казался огромным, чужим и враждебным. Дед не сбавлял темпа: его шаг был твёрдым и уверенным, будто он на пробежке в парке по знакомой тропе.

— А почему не сразу... — едва смог вымолвить я, глотая воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Что не сразу? — спросил дед, даже не сбившись с шага.

— Портал...

— Потому что есть такие места, где он не работает, — процедил старик, сверкнув на меня коротким взглядом. —

Всё пространство во Вселенной колеблется и переплетается тонкой и плотной материями. Там, где ткань тоньше, мы и можем чуть её надорвать и протиснуться из одной точки в другую. А тут... Тут этот чёртов сторож морковок обзавёлся личной глушилкой. Она не просто сигнал режет — она пространство жуёт, как собака кость. Тут не то что технологически — тут даже самый могучий маг своим колдовством не пробьёт себе путь наружу.

— А такие существуют? — прошептал я.

— Маги? — Дед хмыкнул и с усмешкой всезнающего пояснил: — Открою тебе одну простую истину: во Вселенной, или же в бесконечной вселенной вселенных, существует вообще всё. Более того, всё, что ты только что придумал, где-то тут же начинает существовать.

Я хотел ещё что-то спросить, но в горле пересохло так, что каждый вдох царапал изнутри. Дед покосился на меня — в полумраке его глаза казались двумя тёмными провалами, в которых плясали отблески далёких вспышек. У меня явно начинались галлюцинации.

— Не грузи голову, не разговаривай, — буркнул он, резко дёргая подбородком в сторону узкой щели между валунами. — Сейчас не до философии. Береги силы, скоро будем дома.

Выбежав на равнину, мы оказались на открытом пространстве, там, где вылезли из портала, — и тут же замерли. Перед нами рыскала стая двуглавых рыжих собак — штук двадцать, не меньше. Их жуткие силуэты мелькали то тут,

то там, будто сама земля порождала этих тварей из трещин и пыли. Они нюхали воздух, дёргали обеими головами, прислушивались сразу четырьмя ушами — и явно чуяли нас.—

Местные шакалы, — процедил сквозь зубы Октаныч, и в его голосе не было ни капли страха — только привычная, отработанная злость, какая бывает у того, кто уже сотню раз оказывался в такой передрыге.

Он усадил меня на землю — грубовато, но бережно, так, чтобы я не завалился на раненую сторону, — и тут же рванул на себя клапан набедренного кармана. Оттуда он выхватил прибор, похожий на рукоять светового меча, который я видел в одном старом кино: гладкий, с тусклым металлическим отливом и тонкой гравировкой по бокам, будто руны сплетались в непонятный узор.

Старик щёлкнул кнопкой. Из рукояти вырвался не ровный длинный луч, а пульсирующий световой кнут — он стегнул по воздуху, издав короткий, хлесткий звук, и выбил кучу искр.

Собаки наконец заметили нас и стали медленно смыкаться в полукольцо. Самый крупный — судя по всему, вожак — с двумя массивными башками и облезлым боком зарычал так, что земля под ногами задрожала, и бросился первым. Дед шагнул навстречу, крутанул рукоятью, и кнут просвистел в воздухе, рассекая тварь поперёк туловища, как горячий нож масло. Верхняя половина отделилась от нижней с мокрым хлопом, обе головы ещё клацнули челюстями в

воздухе, а потом рухнули в пыль, дёргаясь и разбрызгивая тёмную, почти чёрную кровь.

— Ну! — рывкнул дед. — Давайте, суки, кто следующий?!

Стая взревела и кинулась разом, всей кучей, рыжие тела слились в один клубок клыков и лап. Кнут засверкал во все стороны: две собаки, прыгнувшие справа, потеряли головы, все четыре башки покатались по земле, щёлкая челюстями. Туши рухнули, из рассечённых шей хлестало густое, тёплое и вонючее.

Одна тварь решила обойти старика сзади, сильно оттолкнулась и высоко подпрыгнула. Кнут свистнул — вдоль, через грудную клетку до паха. Рыжая тварь взвыла обеими головами, и из распоротого брюха посыпались мокрые, склизкие кишки — багровые, синюшные, ещё пульсирующие. Собака завалилась на бок, лапы заскребли по пыли, пытаясь затолкать обратно то, что уже не держалось внутри.

Двое бросились с разных сторон: один слева, низко, к ногам, другой справа, в прыжке, нацелив обе пасти деду в горло. Дед подпрыгнул — каким-то невозможным, нечеловеческим движением — и в полёте провернул кнут. Первого рассёк вдоль, от левой головы до правого бедра: мясо разошлось, брызнуло кровью, и всё это шлёпнулось в пыль мокрым, тяжёлым комком. Второй получил поперёк: кнут вошёл в грудь и вышел из спины, тварь ещё летела по инерции, но уже по кускам.

Октаныч приземлился, перекатился через плечо, вскочил

— и тут же ударил снова, не давая противнику ни секунды. Кнут вытянулся в струну и стегнул по морде псу, который почти вцепился ему в ногу. Свет прошёлся по плоти — морда развалилась вдоль, от лба до горла, обнажив кости, зубы и язык. Пёс завизжал — пронзительно и мерзко — и тут же получил второй удар, снёсший ему вторую голову.

Старик работал кнутом, как жнец косой, — без лишних движений, без суеты и без пощады. Каждый удар — расчёрченная тушка, вывалившаяся требуха, брызги крови. Он крутился между псами, как какой-то ниндзя, уклонялся от челюстей, которые вот-вот должны были его достать, а потом бил — точно, хлёстко и смертельно.

Последние трое сбились в кучу, прижав головы к земле, подвывали и поджимали хвосты. Дед остановился — впервые за весь бой. Пот стекал по морщинам, смешиваясь с кровью и грязью. Кнут в его руке мигнул и втянулся обратно в рукоять.

— Свалите к чёрту, — тихо сказал он, и это прозвучало страшнее любого крика. — И другим скажите, что это я надрал вам задницы.

Псы крутнулись и побежали, поджав хвосты, завывая обеими головами. Рыжие тени растворились в тумане на горизонте. Дед обернулся ко мне — довольный, улыбающийся, залитый чужой кровью. Сплюнул на землю, вытер губы тыльной стороной ладони и сказал:

— Ну вот. А ты боялся.

Он рывком поднял меня — одной рукой под спину, — будто я и не весил ничего. От каждого движения по телу прокатывалась волна дикой боли.

— Держись, пацан, — прохрипел дед, и в его голосе впервые мелькнуло что-то похожее на заботу, а не на привычное ворчание. — Сейчас будет полегче.

Мы вышли на равнину — ту самую, где появились. Туман стелился клочьями, будто истончался, растворялся, открывая небо, исчерченное странными полосами, будто кто-то провёл по нему светящимися нитями. Ветер стих, и тишина стала почти осязаемой — такой, что слышно было, как стучит моё сердце.

Дед достал из кармана свой прибор, открывающий порталы: плоский, с матовым покрытием и круглым диском по центру, испещрённым тонкими насечками. Он крутанул диск — тот щёлкнул, провернулся с тихим гудением, и воздух перед нами тут же разорвался, открывая овальный проём, внутри которого клубилась густая, переливающаяся тьма — чёрная, будто сотканная из тысяч оттенков синего и фиолетового. По краям портала вспыхивали и гасли крошечные искры, словно там, за гранью, бушевала невидимая буря.

— Давай, заходим, — рявкнул дед и шагнул вперёд.

Мир на мгновение рассыпался на полосы света и тени, а потом снова собрался. Мы стояли на корабле — в ярко освещённой комнате с смотровым стеклом и всё той же голограммой: металлические стены, ровный холодный свет, за-

пах озона и чего-то стерильно-медицинского. Портал за нашими спинами сжался в тонкую линию и исчез, будто его и не было.

Не давая мне даже оглядеться, дед оттащил меня к гладкой стене.

— Протокол двадцать пять! — рявкнул он, и голос его эхом прокатился по коридору.

Стена бесшумно разъехалась, и из ниши выехала прозрачная колба с кушеткой внутри, с висящей над ней большой люстрой всяких манипуляторов и датчиков. Дед уложил меня туда — грубовато, но стараясь не трясти, — а потом резко отступил. Колба плавно закрылась, отсекая шум коридора, и внутри стало тихо, лишь пищали какие-то приборы.

Манипуляторы зашевелились — блестящие, гибкие, похожие на щупальца из полированного металла. Один из них замер на секунду, будто сканируя, а потом быстро, почти без боли, сделал укол в шею. Я почувствовал, как по венам растёкся прохладный, чуть колющий поток, и глаза сами собой закрылись.

Когда я снова открыл их, боль исчезла. Совсем. Не было ни тянущей тяжести в спине, ни колющих вспышек, ни ощущения, что тело вот-вот развалится. Корка, стягивавшая рану, пропала — на её месте красовалась гладкая кожа, даже шрама не осталось.

Колба бесшумно отъехала в сторону, предлагая мне освободить нагретое ложе. Передо мной снова возник дед — уже

чистенький, без брызг крови на одежде. Пока меня латали, он успел переодеться или смыть всё лишнее, что пятнало его физиономию. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с привычной хмурой усмешкой.

— Ну вот, живой и почти целый, — буркнул он, скрестив руки на груди и чуть склонив голову, будто оценивал работу мастера.

— Что значит «почти целый»? — я заволновался, невольно шаря пальцами по спине, будто надеялся нащупать хоть какой-то шрам, доказательство того, что всё это было по-настоящему. — Что-то удалили внутри?

Октаныч вдруг откинул голову и расхохотался — громко, раскатисто, так, что даже металлические стены коридора будто отозвались глухим эхом.

— Да не парься! Ты прошёл небольшое, так сказать, боевое крещение. Лишился немного своей мягкотелости и бесхребетности — вот и всё. Теперь ты не тот сопляк, который несколько часов назад дрожал, как осиновый лист на ветру, когда в первый раз забирался на корабль.

Я приподнялся на локтях, снова потрогал спину — ни боли, ни стянутости, ни намёка на то, что ещё недавно меня прошила пуля.—

Как... это вообще возможно?

Дед фыркнул, будто вопрос был до смешного наивным.— Технологии, пацан, — он поднял указательный палец вверх.

— Технологии, которые ты ещё сто лет не поймёшь. Та-

кие вот чудеса. А теперь давай, поднимайся. На корабле дел полно, хватит тут валяться, ты не на курорте.

Он шагнул ближе, протянул руку и рывком помог мне сесть, а потом и встать. Ноги слегка подрагивали, будто заново учились держать вес, но это была не боль — скорее непривычка к собственному телу.

Я сделал неуверенный шаг, потом ещё один — и вдруг почувствовал, как по коже пробегает лёгкая, почти незаметная вибрация, будто тело ещё не до конца поверило, что снова работает как надо.

— Ну что, в порядке? — дед прищурился, изучая меня, словно пытался угадать, сколько ещё секунд мне понадобится, чтобы окончательно собраться.

— Кажется, да, — пробормотал я, сжимая и разжимая кулаки.

— Отлично! Тогда за мной.

И он зашагал по коридору — уверенно, твёрдо. Я, оглянувшись на закрывшуюся нишу с колбой, пошёл следом и стал крутить головой, разглядывая всё вокруг.

Всё было чужим до мурашек: ровные стыки металлических плит, будто вырезанные по линейке, и поверх них — паутина проводов, дикая, как отдельный организм, встроенный в машину. Она сплелась в узлы, оплетала стены, сползала по углам, ныряла в узкие щели и снова вылезала где-то сбоку, как корневая система, которая проросла сквозь металл. По этим жилам то и дело прокатывались короткие электриче-

ские волны, которые вспыхивали и гасли, оставляя после себя дрожащие блики света на полу.

— Охренеть! Ты уверен, что я не сплю? — выдохнул я, тыча пальцем в очередной клубок проводки, который вился по стене, будто живой. — Вдруг это очередной мой кошмар?

— Здесь нет ничего красивого. Это не музей, это боевой корабль, — сказал он, не сбавляя шага. — Не пялся, как на ярмарке.

Я сглотнул и стал вертеть головой ещё сильнее. Взгляд то и дело цеплялся за эту живую сеть странных проводов: они были везде, сплетались, перекручивались, ныряли в стыки плит и снова вылезали где-то сбоку — точно корневая система, проросшая сквозь металл. По этим жилам то и дело пробегал свет — рваными, короткими импульсами, будто корабль действительно дышал ими, прокачивая ток по собственным нервам.

На одном из стыков проводка собралась в плотный, почти колючий клубок. Из него торчали тонкие прозрачные трубки, и в них медленно, тягуче перекачивались капли густой, янтарно-мутной жидкости.

— А это что? — не выдержал я, ткнув в трубки.

— Если много будешь знать — скоро станешь таким же старым, как и я, — буркнул он, чуть приподняв уголок рта в чём-то вроде усмешки. — А старость, пацан, это когда знаешь слишком много и уже ничего не радует.

— Ну да, ну да, — не удержался я, криво усмехнувшись

и кивая в сторону его куртки, на которой до сих пор темнели бурые пятна. — Ну да, ну да, — не удержался я, криво усмехнувшись и кивая в сторону его куртки, на которой до сих пор темнели бурые пятна. — Видел я, как ты радовался, когда тебя облило вёдрами собачьей крови. Прямо сиял, как новенькая монета.

Октаныч резко остановился, развернулся, и я едва не врезался в него, уставившись на него тяжёлым взглядом. Он поднёс мне сжатый кулак под нос. А потом вдруг фыркнул — и из этого фыркания вырвался короткий, хриплый смех.

— Потрынди мне, малец! — засмеялся он. — Язык у тебя, погляжу, как у этой проводки: вьётся, путается, куда-то бежит, а мозг за ним не успевает.

Я хотел было снова что-то съязвить, но прикусил язык.

— Ладно, молчу, — буркнул я, опуская взгляд и разглядывая собственные ботинки, будто они могли подсказать, как вести себя дальше.

— Ладно, идём в лабораторию, накормлю тебя морковным супом, — сказал дед, разворачиваясь и направляясь в сторону очередного проёма, откуда доносился приглушённый свет, запах паяльника и каких-то едких химикатов.

— А потом вези меня домой, — добавил я, всё ещё немного настороженно, но уже с проблеском надежды в голосе.

— Конечно, — сказал он. — Сначала дело, потом отдых.

В лаборатории дед подвёл меня к огромному столу, который занимал почти всё помещение и был уставлен колба-

ми и пробирками всех размеров, форм и цветов. Они были соединены между собой стеклянными трубками и тонкими гибкими шлангами, будто кровеносная система какого-то странного стеклянного зверя. В полумраке лаборатории стекло отбрасывало дрожащие блики, и казалось, что вся эта конструкция живёт своей тихой, холодной жизнью. Это был своего рода генератор... генератор чего? А, наверное, всего подряд. Тут можно изготовить всё что угодно, только ингредиенты нужные заряжай.

Старик подошёл к одному краю стола, нажал на плоскую кнопку — и с тихим шипением открылся странный бак. Внутри него светилось что-то мягкое, розовое, будто кусочек неба на рассвете, усеянный крошечными звёздами. Он распахнул тихий мешок, достал оттуда тревожную морковку — и та тут же огласила помещение своим противным, пронзительным визгом, от которого у меня зубы заныли, а в висках застучало. Я инстинктивно закрыл уши руками, чтобы хоть немного приглушить этот звук.

Октаныч не стал церемониться: одним резким движением затолкал морковку в светящийся бак и тут же захлопнул крышку. Потом указал мне на низкое, но удобное кресло с ремнями по бокам — я сел. Сам он шагнул к компьютеру, быстро пробежался пальцами по клавиатуре, вводя команды.

Всё загудело, засветилось, заиграло переливами. Система ожила с тихим, нарастающим гулом, будто просыпался огромный, терпеливый механизм. Морковка сначала появи-

лась в одной из прозрачных камер — уже нарубленная на крошечные кубики. В следующей пробирке кубики превратились в густое пюре, в третьей — в чистейший сок, прозрачный, с едва заметным янтарным отливом. Дальше жидкость побежала по трубкам, меняя цвета: из янтарного — в изумрудный, потом в бледно-фиолетовый, потом снова в золотой. По пути в неё что-то добавлялось — тонкие струйки из боковых резервуаров, едва заметные облачка газа, — а что-то забиралось, исчезая в узких фильтрах и мембранах.

В итоге, пройдя через все эти метаморфозы и очистки, от одной тревожной морковки осталось всего несколько капель густой, перламутровой жидкости. Они осели в маленькой колбе на конце системы, тихо мерцая, будто в них спрятали кусочек того самого розового неба.

Октаныч подхватил колбу, аккуратно вставил её в шприц-пистолет до характерного щелчка, повернул фиксатор. Потом подошёл ко мне с выверенной сосредоточенностью.

— Не дёргайся, — коротко бросил он, приставляя устройство к моему плечу.

Шприц-пистолет тихо щёлкнул — и я почувствовал короткий, почти незаметный укол, будто комар сел и тут же улетел. По телу прокатилась тёплая волна, кровь вдруг потекла чуть быстрее, сердце тут же заколотилось, а мысли стали пробегать с бешеной скоростью, обгоняя друг друга.

Дед убрал шприц, положил его на стол и посмотрел на меня, чуть склонив голову, будто оценивал результат — как ме-

ханик, который запустил старый двигатель и теперь прислушивается к каждому стуку.

Я хотел сказать что-то, но язык не послушался — он словно онемел. А потом мир лопнул. Или, скорее, это было похоже на то, как будто электрический провод под напряжением миг оказывается без изоляции.

Он и потемнел, и поплыл, и лопнул, как мыльный пузырь, а за его стенками оказалось что-то невообразимое, невозможное — от чего мозг завизжал, пытаюсь это осмыслить.

Я увидел небо, но не земное — фиолетовое, с двумя чёрными солнцами, висящими так низко, что казалось, их можно достать рукой. Они не светили — они всасывали свет, и тьма от них ползла по земле, как живая, обволакивая деревья, которые росли вверх ногами: корнями — в небо, а кронами — в землю. Между корнями металась тень странных существ с длинными гибкими телами и лицами, которые менялись каждую секунду: то звериные, то человеческие, то вообще безликие, гладкие, как сырое тесто.

Потом фиолетовое небо схлопнулось, и я оказался в воде. Не в море, не в реке — в чём-то густом и тёплом, как кровь. Я тонул. Нет, я был женщиной — молодой, с длинными волосами, которые расплывались вокруг головы, как водоросли. Лёгкие горели, я рвалась вверх, но ноги были связаны. Надо мной, сквозь багровую толщу, я видел лицо — мужское, бородатое, искажённое яростью. Кто-то держал меня за щиколотки и тянул вниз. Я кричала — и вода хлынула в горло, и

крик оборвался бульканьем. А потом всё исчезло.

И снова — новый мир. Каменный город, вырубленный прямо в скале, с окнами, глядящими в бездну. Я стоял на краю — мужчина, старик, в грубой шерстяной одежде. Ветер рвал полы плаща. Внизу — обрыв, невидимое дно, и я знал, что должен прыгнуть. Не потому что хотел, а потому что так было надо. За спиной — топот, крики, лязг металла. Я обернулся и увидел деда: молодого, лет тридцати, с тёмными волосами и без морщин, в кожаной броне, с мечом в руке. Он бежал ко мне, кричал что-то, но я не слышал слов — только видел его лицо, искажённое отчаянием.

Я прыгнул. Ветер ревел в ушах, камни мелькали мимо, и последнее, что я видел, — его руку, протянутую в пустоту, пальцы, скользнувшие по воздуху в сантиметре от моей ладони.

— Держи его! Держи, я сказал!

Голос деда прорвался сквозь этот кошмар, как игла сквозь ткань. Я почувствовал, как что-то стягивает запястья, потом щиколотки, и только потом осознал, что это ремни. Дед навалился на меня, прижал к креслу, затянул фиксаторы — быстро, жёстко, без лишних движений.

— Не бери в голову, пацан, не бери! — рывкнул он прямо мне в лицо, но я его уже не слышал: мир снова провалился.

Я был ребёнком — маленьким, лет шести, на пыльной дороге, в невыносимой жаре. Вокруг — развалины, обгоревшие остовы домов, чёрные деревья без листьев. В руках я

держал куклу — грязную, безногую, с одним глазом. И плакал. Не от боли, а от того, что некуда идти и некому меня найти. А потом из пыли вышел дед — в другой одежде, в длинном пыльном плаще. Он опустился передо мной, протянул руку и сказал:

— Пойдём, малец. Тут уже ничего не осталось.

Я дал ему руку, и мы пошли.

Потом были ещё жизни. Десятки. Сотни. Они мелькали, как кадры в ускоренной плёнке. Я был воином, пахарем, бродягой, лекарем, разбойником. Я умирал от меча, от яда, от старости, от огня. Я рождался в дворцах и в грязных хижинах, в городах, которых не существует на картах, в мирах, где небо было красным, зелёным, чёрным, беззвёздным. И почти в каждой жизни, в каждом перевороте я видел его — деда. Молодого, старого, в броне, в рубище, с мечом, с посохом, без ничего. Он не всегда был рядом: иногда мелькал в толпе, иногда проходил мимо, иногда стоял у моего смертного ложа. Но он был. Всегда.

Я закричал — оттого, что этого было слишком много. Мозг не справлялся, он горел, как предохранитель в перегруженной цепи. Слёзы хлынули сами собой, я ревел, как ребёнок, как тот мальчишка на пыльной дороге, и не мог остановиться.

— Тихо, тихо, ты слышишь меня? — голос деда прорвался снова, на этот раз ближе, мягче. Я почувствовал его ладонь на лбу — тёплую, шершавую, как наждак. — Это прой-

дёт. Просто дыши. Не борись с этим, не держи. Пусть течёт, пусть проходит. Всё, что ты видишь,— это уже было. Не переживай это ещё раз, просто смотри.

Я хватал ртом воздух, рыдая, задыхаясь, а видения шли и шли, слой за слоем, как волны прибоя. Вот я стою на палубе деревянного корабля, рассекающего чёрный океан, и звёзды отражаются в воде так ярко, что кажется, будто мы плывём между двумя небесами. Вот я сижу в келье при свете свечи и пишу что-то на пергаменте, а чернила пахнут железом. Вот я лежу на снегу, раненый, смотрю в небо, и снежинки падают мне на лицо, тают, и каждая — как маленький холодный поцелуй прощания.

Видения постепенно начинали тускнеть. Фиолетовые небеса, чёрные океаны, каменные города, пыльные дороги — всё это медленно отступало, будто туман, который рассеивает первый луч солнца. Я чувствовал, как тело расслабляется, как напряжение уходит, и я обмякаю в ремнях, мокрый от пота и слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.